

Надежда Пантюлина —
музейный проектировщик,
старший научный сотрудник
Государственного
биологического музея
имени К.А. Тимирязева.

Путешествующая выставка «Засушенному — верить»:

ТЕЛЕСНЫЙ ОПЫТ И ИНТРОСПЕКЦИЯ

Выставку открывает история луговых трав, занесенных вместе с людьми за несколько тысяч километров от привычной жизни в одну из лесозаготовительных «командировок» Соловецкого лагеря особого назначения — подразделений, которые были рассыпаны в беломорских лесах по обе стороны Мурманской железной дороги (иллюстрации см. во вклейке 4). Это наше наследие принято называть диссонантным или трудным. Своим его чувствует малая часть общества, которая профессионально или семейной историей связана с репрессиями. Понимая, что в норме у людей не должно быть желания погружаться в трудный опыт, я решила предложить разговор о неясных следах событий и неожиданных источниках этих следов, о хрупкости жизни, о нашем естественном отстранении от неприятного и повседневной агрессии в каждом из нас, о доказательствах из сухих трав, с которыми не возникает желания спорить.

Далекая от современной жизни история постепенно, через внимание к следам событий в лесу и документах, приводит пришедших на выставку людей к предложению почувствовать и найти следы в самих

себе — наших сегодняшних словах и моделях поведения, которые мы получили в наследство, а теперь донашиваем и передаем дальше своим детям. Выставка совсем не рассматривает ситуации «жертвы-палачи», «правый-виноватый» и чей это опыт трудного прошлого — общий или потомков репрессированных. Конструкция выставки, соструганная, сваренная и выстроенная театральным художником Петром Пастернаком, ее бесстекольное невитринное железное и деревянное тело, внутри которого мы оказываемся, создает условия для наших ощущений, взглядывания в себя, философского или метафорического восприятия, соприкосновения со смертью, когда вопиющее нарушение человечности, которое было в системе ГУЛАГа, оказывается символическим черепом *memento mori*. Это обозначение и обнажение границы, которая может помочь острее чувствовать ценность жизни и бережнее относиться друг к другу.

Эта выставка об опыте, в который невозможно войти. Но музейную экспозицию, текст из предметов и слов, можно выстраивать так, чтобы создавать тонкие взаимодействия пришедших на выставку людей и помогать им моделировать и уносить с собой опыт того, что было не с нами, и того, что произошло внутри экспозиции. В большой степени этот опыт сообщен через мысленно осязаемые вещи и ощущения собственного тела.

Отношения людей и государства в событиях лагерного времени еще в большей степени, чем в мирной жизни, зафиксированы особым казенным языком. Бюрократические документы описывают только часть событий и вместо слов «человек» и «гражданин» используют «з/к» и «рабсила». Основные письменные документы о хозяйстве лагеря и положении людей предоставлены для выставки Центральным архивом ФСБ России, фотографии я искала и отбирала из контрольных альбомов в Национальном архиве и Национальном музее Республики Карелия. Это кадры начатой в 1930-х фотофиксации «перековки» и создания новых людей, когда откровенное название «концлагерь» было заменено на «исправительно-трудовой». Крупные лица на фотокарточках принадлежат социально близким, сидящим по уголовным статьям. Все остальные люди попадают в кадр темными кривыми фигурками.

В тех случаях, когда привычных документов не хватало, я добавляла новые. Главными дополняющими архивные источники документами становятся листы гербария Московского университета, и верить я приглашаю луговым травам, проросшим в вырубленном заключенными лесу, и ботанику Владимиру Вехову, который нашел эти травы уже в начале 1960-х, описывая флору окрестностей Беломорской

биологической станции. Осмысленный специальный ход выставки — объединить привычные исторические источники с естественно-научными, когда листы гербария соединяют описанные в архивных документах события с местом, а дендрохронологические исследования переживших рубку деревьев и дешифровка аэрофотоснимка Люфт-ваффе, который хранит Британский национальный архив, дают нам точный год вырубки леса, строительства бараков, пришедших в лес заключенных и занесенных ими семян трав. Нам очень повезло, что среди нас были люди, которые умеют читать лес как текст и узнавать растения в лицо, которые умеют рассказать, что если бы мы сыпали щедрой рукой семена луговых трав из Приуралья в живом беломорском лесу, то они бы не могли прорасти до тех пор, пока лес не вырубят и не порушат сложившиеся живые системы почвы.

Экспозиция состоит из четырех остановок, каждая из которых выглядит вычерченной железным прутом постройкой с двускатной крышей. На коньках этих пустотелых домов закреплен театральный свет: он договоренность о правилах игры и предложение добавить к музейному восприятию чувственное, как это бывает в театре.

В каждой остановке собраны вместе трудноуловимые следы: рассредоточенные в нашей памяти и документах, полученные специальными естественно-научными исследованиями, ощущаемые телом и найденные фрагментами принадлежавших людям предметов и, в финале, — следы, носимые нами в себе.

Растения, живые и сухие, присутствуют в нашей культуре в коммеморативных практиках. И на выставке сухие травы листов гербария становятся метафорой хрупкости жизни и памяти и задают восприятию поэтическую высоту. Растения становятся иногда голосом, иногда телом людей, от которых остались только числа и строчки в таблицах лагерных отчетов. Я нарочно на уровне ощущений соединяла перемещение подневольных людей и трав, разрушение почвы и человеческих тел и специально выбирала фотографии и предметы, которые осязаемы без прикосновения. Шелуха и трещины старой краски обнажают заделанные отверстия когда-то тюремной двери. Как человеческое сопротивление рядом с уничтожающими людей документами, с поднятым в руках развевающимся на ветру платком, стоит тот самый ботаник, который нашел и описал травы возле бараков. В тяжелом путешествии по выставке очень нужен этот чудаковатый и красивый жест — пожелание доброй дороги и жизни.

Вторая остановка — о движении, поиске и действии. В ней представлены естественно-научные доказательства и результаты экспедиции, они заполняют умолчания и пустоты архивных бюрократических

документов. Научные документы собраны из таких деталей, которые мы улавливаем телом и ощущениями. График жизни дерева напоминает кардиограмму. Вместо неизвестных погибших в лесах людей — уходящие за горизонт спиленные ими бревна. Рядом с научными доказательствами — предложение прикосновения. Возможность включить свет делает движение руки к кнопке — движением к незнакомому другому человеку и актом коммеморации.

Все тексты, в которых я обращаюсь к пришедшим на выставку людям, начинаются с рукописной строки карандашом. В них я помогаю перевести ощущения и опыт в слова, они похожи на закадровый голос.

Проход к следующим остановкам ведет через прорези в полупрозрачном занавесе, они ощутимо уже, чем обычные двери. Видимые сквозь занавес люди по обе стороны становятся тенями. Поезд по косо пересекает всю выставку над нашими головами, он и есть способ, которым семена трав в сене попали в бараки вместе с людьми, и он символ несвободы и перемещения на огромные расстояния. Он сделан из листового железа даже там, где должны быть деревянные части. Колеса поезда не стоят на рельсах — висят в пустоте.

Бревенчатая стена третьей остановки — приоткрытая щель барака, символа несвободы и нарушения персональных границ. Внутри все работает для ощущений: предметы лежат на старом шинельном сукне, клетки расчерчены порошковой меловой чертой, наш взгляд считывает шероховатости и отверстия на фотографиях, доски столешницы сделаны из старого заросшего мхом забора. Здесь же сухие описания пыток из отчета комиссии 1930 года с жутковатыми названиями как у детских игр. На уровне наших глаз — единственные точно известные имена заключенных, которые они оставили на бревнах барака на стесанном величиной с ладонь ровном месте, скрытом под нарами. Первое молодое поколение людей, которое согласилось записывать себя, начиная с фамилии, как выкрикивают на поверке.

В бараке я хотела дать едва слышные звуки, которые получила из Фонотеки голосов животных Института проблем экологии и эволюции: одиночные вскрики беломорских чаек, которых заключенные считали до смерти, звенящих комаров и плеск воды, с ровным ритмом, который в одном месте тревожно задерживается. И не смогла — включенные внутри экспозиции эти звуки обездвигивали меня, они были явным превышением воздействия. Их получилось включать в наушниках в шумном суетном пространстве Интермузея — там они не приносили вреда, но открывали другое время и пространство.

На выставке много метафор, которые воспринимают светские и религиозные люди. Лестница, уходящая вверх, полотнище со следами

земли, корень, похожий на крыло или, с другого ракурса, на жилистую человеческую спину и руку. И не важно, если кто-то не прочтет всех текстов выставки и не пройдет ее внимательно, важно, чтобы какой-то сильный образ отозвался и был унесен с собой. Я чувствую такой способ построения экспозиций дающим долгий эффект. В выставку как документ участия, чувств и мыслей включены несколько работ современных художников. Они помогают людям улавливать тонкие смыслы и уносить их запечатленными.

Финальная остановка — следы в нас сегодняшних. Рубаха с накрепко связанными рукавами и текст о процедуре встречи в лагере новичков передают вневременное насилие. Фанерный чемодан — символ 1953 года и возвращения из лагерей — размер персонального вещественного, который людям удавалось сохранить в лагере. Внутри чемодана голос — тихая песня женщины, прошедшей лагерь и ссылку, из открытого архива Аллы Зиминой, жены Иосифа Богораза. Ее голос, надтреснутая гитара, красивый язык, в котором нет блатных слов и интонаций, — символ сохранения себя и трудной работы, которая нужна, чтобы не только выжить, но сберечь границы своей индивидуальности и смыслов. Чтобы расслышать ее слова, надо приблизить свою голову к чемодану. Рядом доска — для возможности оставить реплики — с предложением вслушаться в себя и найти следы лагерного времени в нашем языке и взаимоотношениях. Самые частые слова, в разных вариантах, — «страх» и «невнимание к другим».

Рядом в фотографиях — приказ о начале строительства дорог силами заключенных, инженерные коммуникации и дети — расползание следов лагеря на всю страну. Действенным и эффектным оказался лист бумаги со словами из лагерного языка из многостраничной публикации лингвиста Николая Виноградова в журнале «Соловецкие острова» 1927 года, из которой я выбрала два десятка слов, которыми мы легко пользуемся в повседневной речи и не осознаем, откуда они. Самое выразительное слово этого перечня — «клевый». Рядом доска для тихого разговора о повседневных ситуациях неравновесного распределения сил в системах «гражданин — государство», «начальник — подчиненный», «родитель — ребенок», в которых есть риск возникновения разрушающей агрессии.

Это и есть цель выставки — найти в себе калечащие модели взаимоотношений, которые мы воспроизводим. И захотеть перестать передавать эти модели своим детям.

Выставка путешествующая, в каждом новом городе она прирастает новыми местными историями и листами гербария. И после основной пространственной части начинает работать даже плоский вариант,

когда нет никаких дополнительных предметов и театральных декораций. И в Пермской художественной галерее рядом со сдержанными, и от этого еще сильнее щемящими воспоминаниями спецпереселенцев, были обычные сорные и луговые травы — основная еда детей. В Музее истории Казанского университета я оставила накрытым полупрозрачной бумагой тонкий цветок на листе гербария рядом со стихами татарского поэта Хасана Туфана, и это взгляд на бегущие облака и горькие слова, которые пока невозможно произнести громко. В Международном Мемориале* рядом с маленькой документной фотографией Гуго Гроссета, который выдержал девять лет общих работ, а позднее собрал и переслал в Московский университет шесть сотен листов гербария Магадана, был кедровый стланик и текст Варлама Шаламова — как заключенные ждали, когда стелящийся к зиме под снег кедровый стланик первым поднимет ранней весной свои еще бурые ветви как знак надежды, что самое тяжелое время позади. Участие гербария Воронежского университета ценно исследованием, сбором частных очень человеческих воспоминаний ботаников и атрибуцией фотографий, которую удалось провести, пока еще живы свидетели событий. В Москве краеведом Машей Трифионовой собран гербарий растений — свидетелей исчезнувшего и уничтоженного. В Музее Норильска была история о живом ковре трав на месте женского отделения лагеря и экспедиции музея, которая эти травы собрала. Травы проросли, когда лагеря уже не было, а лагерный забор еще стоял, медленно разрушался и закрывал склон от суровых ветров. Это и есть голос и тело, когда люди прорастают травой.

В финале выставки во всю стену открывается работа Андрея Кузькина. Это полотнище с земляными следами ног — неделя жизни крестьянского двора. Внизу семь листов фотофиксации процесса. Мне нравится, как эта работа проглядывает сквозь металлические конструкции выставки через все залы. В ней каждый улавливает свое — прах и пыль под ногами, плащаницу, землю, тело. Она для того, чтобы отпустить пришедших на выставку людей с ощущением возможности и важности вкладывать усилия. Сохранять и беречь других и их границы, быть способным принимать ответственность — это лучше получается у людей, которые хорошо осознают себя.

Путешествующая выставка сделана на грант конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда Владимира Потанина, получила диплом лучшего реализованного проекта конкурса 2018 года и специальную номинацию жюри Интермузея-2018 за особый подход к созданию выставок.

* Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» признано в Российской Федерации некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.